

ВСЯКОЕ ДЕЛО СЛЕДУЕТ НАЧИНАТЬ МОЛИТВОЙ

Беседа на всенощном бдении в навечерие Нового года

Мы оканчиваем поприще старого года и вступаем в новую стадию жизни нашей. Кто может предсказать, длинна ли будет эта стадия и где ее конец? Будет ли она последней в нашей жизни или за ней наступит новая? Кто может поручиться за себя, что после этого года ряд лет его жизни еще продолжится? Кто дерзнет отрицать ту вероятность, что мы с настоящего дня начинаем последний год жизни, после которого отворятся двери вечности и начнется для нас путь, с которого возврата нет и которому не будет конца? За дверью, которой мы исходим в другую, загробную жизнь, лежат два пути: один — ведущий на небо, а другой — в преисподнюю. Из сего усмотреть может каждый из нас, сколь важен тот момент жизни, который мы переживаем, и сколь знаменателен для нас этот день новолетия. Если мы научены всякое новое событие в нашей жизни начинать молитвой, если мы молитвой начинаем день, молитвой и заканчиваем его, молимся, отправляясь в путь, молимся пред началом каждого нового дела, то не тем ли паче молитвой должно начать новый путь нашей жизни, который нам в начале своем страшен неизвестностью своей, в продолжении многотруден и небезопасен и кончиться может началом или вечного блаженства, или бесконечных мучений? Для сего-то Святая Церковь, как мать заботливая, приглашает детей своих этот знаменательный день начинать усиленной, коленопреклоненной молитвой.

Казалось бы, в это навечерие Нового года храмы наши должны бы быть полны молящимися. Когда пробьет час полунощный, должны бы преклонить колена все мы, которые еще не освободились от страха грозного бедствия, постигшего в истекший год наш город и округи его¹⁶⁹.

Так должно бы быть — но не то представляется взорам нашим. Где те братья наши, места которых здесь остаются незанятыми? Почему так редки сегодня ряды молящихся в этом храме? Где отсутствующие теперь? Почему они оставили в это навечерие новолетия торжественное собрание молящихся здесь? Не для того ли, чтобы примкнуть к собранию ликующих в эту полночь, но не тем ликованием, к какому приглашает их мать — Святая Церковь, а которое установлено духом мира сего, по действию князя власти воздушной. Там воздевают руки и сгибают колена, но не для молитвы; там поют, но не гимны

в честь Царя Христа; там радуются, но не о Боге Спасителе; там пьют, но не из Чаши спасения; там приветствуют, но не тем святым приветом мира, который Церковь унаследовала от времен древних¹⁷⁰. Там радуются, но той радостью, после которой приходит плач, после того ликования настает иногда сетование, то пение приводит часто к безотрадному рыданию, те заздравные чаши бывают смертоносны, те благожелания остаются одними звуками. После таких празднований не святых и ликований не богоугодных во дни праздников и новолетий, если посетит нас Господь немилостью, как было в истекшем лете, от чего да сохранит нас Отец Небесный, осмелимся ли мы взывать к Нему дерзновенно о помиловании? А когда не будем услышаны, дерзнем ли сказать: для чего, Господи, отреваешь души наши, скрываешь лице Твое от нас и не внималешь молитвам нашим?

Правда, в дни бедствия мы вели себя безукоризненно: мы тогда и праздники чтили, и воздержание хранили, и храмы полны были молящимися. По всей вероятности, и впредь, когда нужно будет, мы изменимся: тогда опять начнем моление, сетование и воздержание. Но не поздно ли тогда будет? В истории израильского народа мы имеем поучительный пример того, что когда празднованию предшествовало или с ним соединялось нарушение закона Божия, тогда ни жертвы, ни молитвы не были Богом приемлемы. *К чему Мне множество жертв ваших?.. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение ваше отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть!.. Когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови (Ис. 1, 11–15).*

Вот видите, Господь отвращался даже от приходящих в храм Его, и притом не с пустыми руками, а с дарами и молитвой,— отвращался потому, что нечисты руки их и осквернена совесть их. Что же сказать о тех, кто, нося имя христиан, не молятся ни в церкви, ни дома; будучи с ног до головы покрыты язвами порока и струпьями греха, не сознают своих недугов и не заботятся об уврачевании их!

Обратим внимание на обличительное слово Божие и мы, собравшиеся сюда на молитву. Осмотримся, не в крови ли и наши руки, стираемые на молитву? Разберем нашу жизнь. Ты, глава семейства, общества, не ходишь ли в дому твоём, среди подвластных тебе как лев рыкающий? В минуту раздражения не приводишь ли в трепет жену,

детей, подвластных твоих? Не бьем ли мы пястями¹⁷¹ (Ис. 58, 4) смиренного, безответного пред нами подвластного нам человека за проступки или неисправности, допущенные по немощи? Не караем ли мы его беспощадно отрешением от места, изгнанием из дома, лишением благословения без предварительной заботы об его исправлении? И ты, подвластный, не бичуешь ли начальника или домохозяина своего осуждением, злословием, проклятием (хотя бы и заочно) за то, что он был справедлив, но не чрезмерно милостив, как тебе хотелось бы, но чего ты, быть может, не заслужил?

Евангельский фарисей хотя и долго молился, но поедал дома вдовиц и за то услышал грозное слово обличения (Мф. 23, 14; Мк. 12, 40; Лк. 20, 47). Ты, христианин, хотя, быть может, несколько человеколюбивее поступаешь с вдовицами, но не только долго, но и совсем не молишься ни в храме, ни дома. Подзаконный фарисей хотя и приносил десятину с мяты, аниса и тмина, но оставил суд, милость и веру (Мф. 23, 23). А мы, чада свободы Христовой, быть может, и сего не делаем, и того не соблюдаем: ни десятины не даем, ни правды не соблюдаем, ни милости не творим и веру потеряли. Если фарисей не был услышан, хотя и долго молился, то мы будем ли услышаны, когда совсем не будем молиться? Или же, бывая иногда и в церкви, не будем страшиться присвоить чужую собственность, продать труды чужие: хозяин будет удерживать плату у рабочего, а этот, получая плату, не станет воздавать нанявшему его честным трудом? Иной, быть может, не поядает чужой собственности, но не страшится есть чужую плоть и пить людские слезы бранью, насилием и притеснением беззащитного и бедного сводить в могилу. Иной не отнимает насилием чужого имущества, но словами злоречия лишает его доброго имени, которое дороже золота.

Но *аще беззакония назиши, Господи, Господи, кто постоит?* — взывал Израиль устами царя-пророка (Пс. 129, 3). Не то же ли следует сказать и нам: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто постоит? Но у Тебя, Господи, прощение». Да, у Него милость, многое избавление от бед. Но всё это даруется тем, кто обращается к Нему с покаянием. Сего Он требует и от нас. *Омойтесь*, — говорит Он Израилю (Ис. 1, 16). *Покайтесь*, — говорит Он нам (Мф. 4, 17; Мк. 1, 15). *Очиститесь... перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову*, — говорил Он Израилю чрез Исаию (Ис. 1, 16–17).

Всякий дол да наполнится: униженное да возвысится, и всякая гора и холм да понизятся: всякая гордыня да смирится,— говорит Он нам устами Предтечи Своего (Лк. 3, 5). У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же... Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем (Лк. 3: 11, 14).

Итак, вот чем нам следует начать Новый год: молитвой, покаянием, делами правды, милостью, верностью Богу и людям и живой верой в Евангелие, верой, от дел являемой, а не в мыслях только содержаемой.

ОГЛЯНИСЬ!

Поучение на Новый год

Жизнь наша — клуб ниток.

Жизнь наша со всеми нашими мыслями, желаниями, словами и делами есть как бы клуб ниток, в котором нить навивается с одного конца и развивается с другого. С первых лет явления нашего на свет в сознании нашем, как на основе, слагаются мысли, слова и дела. Когда же настанет час смерти, тогда начнется развертывание этого клуба нашей жизни. Нить, навиваемая на клубок, может быть окрашена в разные цвета: в белый или черный, или может быть пестрой. Таковой явится и нить нашей жизни. Понятно, что белизну ее составят добрые дела, а черноту — злые. Смесь тех и других образует пестроту этой нити.

Обычное разматывание клубка совершается в обратном порядке: то, что по порядку времени навилось после всего, будет развито прежде всего. В таком же порядке будет развиваться и нить нашей жизни. В порядке постепенности будут открываться все наши мысли, слова и дела. Можно предполагать, что если таковое разматывание клуба нашей жизни будет происходить в естественном порядке, то оно начнется с тех мыслей, слов и дел, какими занята была душа наша в последние дни жизни. Затем начнет открываться последующая жизнь в обратном порядке — от старости к зрелому возрасту, от юности